

АНЕКДОТЫ ДЛЯ ГЕРАКЛА

Удивительные приключения Алексея
Сизоворонкина — бухгалтера и полубога

ВАСИЛИЙ ЛЯГОСКИН

Василий Лягоскин

**Анекдоты для Геракла.
Удивительные приключения
Алексея Сизоворонкина –
бухгалтера и полубога**

«Издательские решения»

Лягоскин В. И.

Анекдоты для Геракла. Удивительные приключения Алексея Сизоворонкина – бухгалтера и полубога / В. И. Лягоскин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834964-5

«Трудно быть богом!» — утверждает классик. Полубогом быть тоже нелегко. Но если у тебя в руках волшебные артефакты, а в памяти целая россыпь анекдотов — на все случаи жизни, то... Приключения ждут тебя, и за наградой дело не станет. Вперед и с песней! Да пошустрее — ведь на Олимпе твоего возвращения ждут прекрасные богини...

ISBN 978-5-44-834964-5

© Лягоскин В. И.
© Издательские решения

Содержание

1. Стоунхендж	6
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Анекдоты для Геракла
Удивительные приключения Алексея
Сизоворонкина – бухгалтера и полубога
Василий Лягокин

© Василий Лягокин, 2016

ISBN 978-5-4483-4964-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Стоунхендж

Итак, знакомьтесь – Сизоворонкин Алексей Михайлович. Тридцати трех лет отроду, холостяк; сто сорок килограммов живого веса и море оптимизма. Последнее благодаря тому обстоятельству, что на момент, когда Алексей Михайлович, или просто Лешка, как его звали практически все вокруг, вышел на высокое крыльцо ресторана «Лагуна», он никому ничего по жизни не был должен. И, как самоуверенно предполагал, собирался дальше плыть по мутным волнам своего холостяцкого бытия так же легко и беззаботно.

Алексей вышел из «Лагуны» не один. В компании хохочущих парней и девчат он был девятым; без пары, но отнюдь не лишним. Потому что этот вечер, как и многие другие раньше, прошел весело до умопомрачения во многом благодаря именно ему. Сизоворонкин был мастером анекдота. Не просто коллекционером, а талантливым рассказчиком; человеком, который несколько строк анекдота превращал в целый спектакль – на разные голоса и даже лица; как это не удивительно. В нем, казалось, жило множество людей, причем людей, безусловно, талантливых; заставлявших слушателей верить, что с ними поочередно говорят то маленький пацан Вовочка, то его строгая учительница Марья Ивановна, то хитролицый и узкоглазый чукча, а то и Василий Иванович – собственной персоной. У последнего, кажется, и усы на половину лица завивались, хотя никаким гримом Лешка никогда не пользовался.

Вот и сейчас его приятели и приятельницы с готовностью повернулись и подняли головы вверх – туда, где Сизоворонкин с высокого крыльца выдал свой очередной шедевр. Анекдот, как признавал сам Алексей, был так себе – на слабую троечку. Но в его исполнении, как и всегда, он произвел фурор; хотя совершенно не тот, на который рассчитывал сам рассказчик.

– Итак, слушайте, – начал первый герой, в котором каждый слушатель почему-то сразу узнал собственного соседа по лестничной площадке – мрачного и сердитого:

– *Что может быть хуже камешка в ботинке?*

– *Может, песчинка в презервативе?* – это с надрывом ответил ему второй персонаж.

В его голосе была такая мука, словно он как раз сейчас эту песчинку на себе и испытывал. Причем именно в том месте, о котором говорил.

– *Эх, вы,* – каким-то совершенно отрешенным голосом вступил в разговор третий, – *а вам камень в презервативе никогда не попадался?*

Спектакль кончился, и на крыльце снова стоял Леша Сизоворонкин. Его круглое лицо, освещенное яркими декоративными фонарями сразу с обеих сторон, лучилось от удовольствия и предвкушения того шквала хохота, который несомненно должен был захлестнуть снизу его внушительную фигуру. Но там, у подножия крыльца из мраморных блоков, царила тишина. Причем очень напряженная и – Лешка каким-то шестым, или седьмым чувством почуял – тревожная; даже паническая. Он включил первое чувство; то есть зрение. Открыл глаза, которые в том самом предвкушении прикрыл раньше веками и ресницами, длине и кокетливому изгибу которых завидовали все его знакомые прекрасного пола.

Взгляд наткнулся на лица, освещенные теми же фонарями. Они действительно были напряженными и испуганными; и устремленными куда-то за спину Сизоворонкина. Именно оттуда раздался первый звук; первая реакция на его анекдот. Но это был не хохот и не аплодисменты. За спиной Лешки словно стоял, а может, уже разинул громадную пасть тигр. Видение именно этого полосатого хищника пришло в голову Лешки в первое мгновение, когда он услышал зарождающийся рык. Ноги, сразу ставшие ватными, сами стали поворачивать туловище, а вместе с ним голову и чувства, которых снова стало гораздо больше обычных пяти – назад, к роскошным ресторанным дверям.

Совсем недавно эту тяжеленную и толстенную дверь из массива какого-то ценного дерева придерживал швейцар в генеральском мундире. Теперь на его месте стояла троица. Причем

двое громил мало чем уступали самому Сизоворонкину – если брать во внимание вес. Во всем остальном они были полной противоположностью Алексею. Широкоплечие, накачанные, а скорее даже перекачанные мускулами, с угрюмыми лицами, точнее физиономиями, готовыми ринуться в атаку даже раньше каменных кулаков и железных ступней. Но Лешка гораздо больше их обоих вместе взятых испугался третьего – который внешне как раз очень напоминал Сизоворонкина. Против рассказчика – в метре, не больше – стояла его уменьшенная копия. Такой же пухлый и круглолицый человечек был на две головы мельче и Алексея, и своих спутников.

– Точнее, телохранителей, – машинально поправил себя Алексей, пытаясь придать собственному лицу выражение, которое привык видеть вокруг себя главный бандит славного города Рублевска.

Да, это именно он пытался сейчас играть желваками под толстыми щеками. Получалось у бандюка плохо. Под внушительным слоем жира и кожи не катались камни – как ему, наверное, хотелось.

– Да что там камни, – вспомнил вдруг свой анекдот Лешка, – тут даже на песчинку не тянет... нет, про песчинку не прокатит!

Тут же вспомнился другая история, услышанная пару дней назад:

– *Инструктор по технике безопасности очень любил рассказывать поучительные истории из своей жизни. Все они заканчивались одинаково: «До больницы, конечно, не довели...».*

Что-то карликовый бандит, очевидно, прочел в лице Алексея, потому что рычать перестал, и кивнул, словно подтверждая: «Да, парень, от тебя даже для морга ничего не останется». Сизоворонкин еще раз оценил кулаки телохранителей и согласился с...

– Камень! – истерично выкрикнула за спиной Наталья – тридцатилетняя девица, с которой у Лешки когда-то давно случился короткий, ни к чему не обязывающий роман.

Да – именно так звали грозного бандита, сейчас шумно переводящего дух после натужного рычания. Это было производным от фамилии – Каменщиков – хотя многие всерьез утверждали, что дело скорее было в характере бандита; в железобетонном характере, об который обломали зубы все его конкуренты.

– Камень, – чуть слышно повторил Гена Петров, один из сегодняшних собутыльников Сизоворонкина.

Наш герой машинально и громко продолжил, опять возвращаясь мыслями к первому анекдоту: «В презервативе...». А потом нырнул вниз – не рыбкой, конечно, а целым китом, расплескавшим по каменным «берегам» из тротуарной плитки всю компанию. Хотя анекдот в тему вспомнился совсем не про кита:

– *Если ласточки летают низко... Значит, они обожгались!...*

– Кажется, никого не зашиб, – успел подумать Алексей, исчезая в темноте пустыря, который примыкал к ресторану.

Это он так помечал: «Исчезая». На самом деле уже через пару мгновений он услышал истошный крик Камня, пославшего в погоню своих двухметровых бультерьеров. Охранники вскричали что-то явно восторженное и тоже обрушились вниз, наверное, окончательно размазав недавно веселую толпу по площадке. Ни времени, ни желания пожалеть приятелей у Лешки не оказалось. Он почти сразу же услышал за спиной громкий топот погони, и постарался шустрее шевелить ногами. Что удивительно – своих шагов он практически не слышал. Может, их забивал бешеный стук сердца, не привыкшего к таким нагрузкам, да сиплое дыхание? Легкие, даже не пораженные ни каплей никотина, которая, как известно, убивает лошадь, тоже не желали работать в полную мощь. Только голова не отказывала ему, предлагая на выбор анекдоты один шикарнее другого. Правда среди них не оказалось ни одного про спорт, и Лешка мучительно замычал.

– Как будто это может помочь?! – подумал какой-то сторонний наблюдатель в голове, так и не дождавшийся очередного шедевра, – тут если только боги вмешаются.

И Алексей Сизоворонкин, самый обычный атеист, не знавший даже, на какую сторону надо правильно креститься, действительно возопил; кажется даже вслух:

– О боги! Ну почему я не олимпийский чемпион по бегу?!!

Это была его последняя связная мысль в этот вечер. Небо – по прихоти этих самых богов, или совершенно самостоятельно – приложилось по его затылку так, что темнота взорвалась ослепительным светом. Может быть, как раз один из тех богов, к которым он в отчаянии взывал, подал знак, что его крик услышан. Сверху на пустырь, а точнее на макушку практически падающего от изнеможения Алексея, обрушилась ломаная молния, заполнившая собой вселенную. Так, по крайней мере, показалось Сизоворонкину, успевшему отметить за мгновение до того, как провалиться в черную пропасть небытия, как вытягиваются от удивления квадратные физиономии телохранителей, освещенные все той же молнией. Нет, последним все-таки был анекдот:

– В пруд ударила молния, и мужчина, который два года назад пошел купаться пьяным, вышел на берег со словами: «Фигассе, шорты сперли!»...

Открывать глаза не хотелось. Так же, как и отрывать руки от самого прекрасного, что могло оказаться в мужских руках – от женской ножки. Голова Сизоворонкина, лежащего на каком-то каменном полу, но отчего-то не испытывавшего при этом ни малейшего неудобства от столь жесткого ложа, была прикрыта чем-то нежным и невесомым. Он догадался, что этот полупрозрачный полог, скорее всего, был предназначен для сокрытия от нескромных взоров той самой ножки, которую никак не хотела отпускать правая рука.

– Или ножек, – поправил он себя, охватывая левой ладонью вторую лодыжку.

Она тоже была божественно нежной, так что первым и нестерпимым желанием очнувшегося неизвестно где Алексея было подключить к тактильным ощущениям все остальные чувства. Прежде всего, конечно, зрение, а потом и... Правая рука поползла вверх, к округлой коленке, а затем и выше, а левая, оторвавшись на самое краткое мгновение от нежной кожи незнакомки, попыталась резким движением смахнуть с головы ткань. Попыталась как-то неловко, захватив двумя пальцами подол женского одеяния. Материал негромко треснул где-то много выше Лешкиной головы, и огромный зал, который был залит светом столь ярко, что парень невольно опять закрыл глаза, заполнился громким возмущенным криком. Девичьим, естественно.

Потому что это рядом стояла именно девушка, девственница – и это Сизоворонкин понял не благодаря указательному пальцу, который вместе со всей правой ладонью прополз по всей ножке и сейчас нагло и бесцеремонно тыкался в курчавый треугольник светлых волос – в место, которое незнакомка тщетно пыталась спасти от вторжения. Нет – что-то в голове Алексея щелкнуло, и он с вполне понятной ухмылкой узнал ту, кто захлебывалась сейчас криком, не делая, впрочем, ни малейшей попытки, отскочить от насильника.

– Ора, одна из девственных богинь времен года, – определил Сизоворонкин непонятно как, – а именно богиня Весны – сама прекрасная и желанная. Вот это я попал пальцем в...

На курорте мужчина познакомился с дамой. В первый день он погладил ей пальчик, на второй ладошку, на третий...

Женищина разозлилась:

– Вы что думаете, я сюда на полгода приехала?!

Лешка задержал палец перед самым взятием девичьего сокровища, оглядывая остальных Ор, которые – в этом он тоже непостижимым образом не сомневался – охраняли врата дворца повелителя Олимпа от всяких наглых проходимцев. В смысле – тех, кто проходил мимо.

– Ну, я как раз таки мимо не проходил; я тут вообще непонятно как оказался, – подумал Алексей, сравнивая с практически обнаженной богиней Весны остальных Ор, одетых в длин-

ные одеяния и вооруженных короткими мечами, которые они начали угрожающе поднимать над головами.

Сравнение было в пользу красавицы, которая как раз томно закатила глаза и прерывисто задышала. Алексей поспешно, хоть и с немалым огорчением оторвал свой палец от занятия, которое тот нашел без всякой команды со стороны хозяина, и уставился на него. Это был не его палец! Таким пальцем можно было пробивать железные доспехи и черепа крупных животных. Причем без всякого ущерба для перста. Теперь взгляд Сизоворонкина пополз по собственному телу, начиная со злополучного пальца. Ладонь – широченная и могучая; такой не девичьи одеяния рвать, а вражеские латы; вместе с ребрами, выворачивая последние из тел. Рука, переходящая в бицепс настолько громадный и естественный, что его даже смешно было сравнивать с выращенными искусственно в залах бодибилдинга. Лешка напряг его; совсем немного, и сам испугался результата. Бицепс, а может, трицепс – или как там его правильно называют – теперь едва ли смог бы объять двумя руками мужик средней комплектации.

– Так я и дам обнимать себя мужикам, – чуть не рассмеялся обалдевший от увиденного Сизоворонкин, – а вот этой красотке?!..

Он опять повернулся к Оре Весны, одновременно вскакивая на ноги. Вскочил одним стремительным и плавным движением, о каком стосорокакилограммовый бухгалтер Алексей Сизоворонкин раньше не смел даже и мечтать. Из тряпки, в которую превратилось одеяние Оры, он тут же соорудил платок, и протер им вспотевшее от умственного напряжения лицо. Да и кто бы не напрягся, увидев себя в обличие Геракла, каким его изображают в учебниках истории. Лешка еще к месту и закон сохранения масс вспомнил (или открыл?). Так что сейчас его сто сорок килограммов были горой мускулов, способной сокрушить все вокруг.

– Вокруг?! – он, наконец, оторвался от лицемерия божественной Оры и огляделся.

Это действительно был дворец. Нет – Дворец! Именно так повелел называть свое жилище громовержец Зевс. Сизоворонкин вспомнил о молнии, что прервала его натужный бег по темному пустырю; оценил мощь и скрытую силу бородатого мужика, сидящего на троне посреди огромного зала, вдоль стен которого сидели и стояли не менее колоритные представители местной знати. Слуги, или там какие-то рабы не могли с такой надменностью рассматривать Алексея. Кто-то внутри него, а затем и сам Сизоворонкин, рассердился:

– Ну, Зевс, ну другие боги Олимпа! Так же теперь, можно рассматривать меня, как вошь? А я вам не вошь, я вам вот!

Он отбросил в сторону комок ткани и напряг монументальную фигуру, обратив столь же гордый, и даже немного снисходительный взгляд сразу ко всем богам, но прежде всего, конечно, к Зевсу. И тот перестал ухмыляться. Физиономия главного олимпийца стала немного задумчивой, а потом такой хитрой и довольной, что сам собой вспомнился анекдот, о чем Лешка всем и сообщил:

– Слушайте анекдот:

– ***Бывает, придешь в дом, а там на тебя все орут, ругаются, пытаются выгнать из дома. Ты сперва обижаешься, а потом понимаешь, что это не твой дом...***

Видимо, талант рассказчика новому телу передался. Потому что после короткой паузы мелко захихикал отвернувшийся на всякий случай от верховного бога Гермес – темноволосый типчик с хитрым лицом и глазами, шныряющими по углам с навечно застывшим в них вопросом: «Что бы еще тут стибрить?». Это Лешке тоже сообщил внутренний голос, который, как оказалось, знал здесь всех. И Геру, морщившую лицо рядом с супругом-громовержцем, и богиню любви Афродиту, начавшую с интересом поглядывать на рассказчика; причем не на его рот, только что выпустивший в мир немудреную историю, а много ниже – в место, до сих пор недвусмысленно реагировавшее на прелести богини Весны. Место это было едва прикрыто накрученной тряпкой, хитрый узел на которой был готов лопнуть от напряжения.

И Лешка не выдержал, начал новую историю голосом Афродиты, который вроде бы ни разу не слышал:

– *Расскажи мне сказку на ночь, дорогой.*

«Дорогой», он же Алексей Сизоворонкин, гордо ответил:

– *Я сам сплошная сказка!*

Богиня любви зарделась и в жизни, и в исполнении Лешки:

– *Даже не знаю, как спросить... а конец у тебя плохой или хороший?*

Теперь первым рассмеялся, скорее даже расхохотался Зевс, извергая при этом из могучей груди раскаты грома. Остальная кодла представителей божественного меньшинства дружно присоединилась к своему предводителю; даже Афродита, успевшая, впрочем, метнуть в сторону рассказчика не очень дружелюбный и что-то обещающий взгляд.

– Почему меньшинства? – спросил у себя Сизоворонкин, и тут же ответил, – потому что вас, ребята, должно быть больше – десятки, если мне память не изменяет. А тут...

Он продолжил перечисление олимпийских богов, уже не удивляясь, что знает их как давних знакомцев, с которыми не раз сиживал за столом с «мальвазией», и про которых мог рассказать сейчас такие пикантные подробности, что весь Олимп мог бы утонуть в стыде:

– Гефест, бог кузнечного ремесла; кстати – муженек Афродиты. Вон как зыркает глазами из-под мохнатых бровей. Хотя смеется так же раскатисто, как шеф. Арес – его братец, бог войны. Еще две сестрицы, дочки Зевса от разных матерей – Артемида-охотница и Афина-воительница. Хотя нет – Афины бог-отец, кажется, сам сподобился родить. Интересно, миллион долларов за это он додумался требовать? Плюс четыре Оры... Итого у нас получается... Тринадцать! Чертова дюжина. Себя считать не буду; не бог, все-таки.

– Ты не прав, Геракл, – громыхнул, наконец, с трона Зевс, – это твой дом, и ты призван защищать его.

В груди Сизоворонкина при слове «защищать» что-то заныло; личность, любезно представившая ему окружение, тоже не проявила энтузиазма.

– Эге, – подумал Алексей, – а тебе, друг, прежних двенадцати подвигов с головой хватило, как я погляжу?

Внутри согласно кивнули, заставив его вспомнить еще один из старых анекдотов:

– *Устроился деревенский парень сантехником. Первый вызов – забившийся унитаз, соответствующее амбре в туалете. Парень не брезгливый – становится на колени, начинает рукой вычерпывать содержимое. А потом поворачивает к застывшим в дверях владельцам квартиры: «Вы что, сюда сrete, что ли?».*

– Вы это к чему, уважаемый? – осторожно спросил он у Зевса, – если насчет Авгиевых конюшен, то я пас. Я вам, ребята, не Маяковский – не ассенизатор, и не водовоз. Сантехника, понимаете ли, совсем не мой конек.

– Какой конь? – удивился громовержец.

– Да и остальное все... Гидры там многоголовые, львы с быками... Это не ко мне. Это вам нужно к профессиональному охотнику обратиться. Если пожелаете, я и адресок могу дать.

Такой знакомый у Лешки действительно был. Правда, Сизоворонкин не был уверен, что тот согласился бы повторить любой из двенадцати подвигов без надежного карабина. А здесь... Он огляделся еще раз. Самым грозным оружием был лук в руках Артемиды, да устрашающего вида копье, которое кто-то (Арес, скорее всего) прислонил к мраморной стене.

– Ну, еще, громы с молниями самого Зевса, – предположил Лешка, остановив взгляд на мощных – не меньших, чем у него самого, Геракла – руках громовержца.

Сейчас они были пустыми; никаких приспособлений для метания молний не было. Но такие руки вполне были способны порвать пасть не самому хилому льву.

– Вот и рвал бы сам, – подумал Лешка-Геракл, пытаясь вспомнить подходящий анекдот.

Раньше свое слово сказал желудок. Видимо, для мощной мускулатуры и костяка плоти самого Алексея не хватило; весь сегодняшний ужин вместе с литром водки производства рублевского ликерно-водочного завода тоже трансформировался в мышцы, о чем желудок и заявил громким и требовательным урчанием. А Зевс вроде только этого и ждал. Он улыбнулся, показав крупные ровные зубы, и ответил – не самому Сизоворонкину, а его желудку:

– А не перекусить ли нам? – и хитро подмигнул Лешке.

Тот отказываться не стал, хотя предположил, что его сейчас будут банально охмурять.

– Может, даже, и подсыпят чего-нибудь такого, что я вприпрыжку побегу эти самые подвиги свершать. Ну и хрен с вами, – махнул он бесшабашно рукой Геракла, – пошли.

– *Зашел мужчина в ресторан, сел за столик. Подошла официантка:*

– *Здравствуйте, что заказывать будете?*

– *Как обычно: первое, второе, третье и на десерт что-нибудь.*

– *Первое есть, а вот второго нет – хоть сама ложись.*

– *Тогда два вторых!*

Идти пришлось совсем недалеко. Лешка даже не успел выбрать из вереницы богинь – кого бы он в первую очередь выбрал в качестве «второго». Прямо за тронем Зевса пряталась дверь, в которую все боги, кроме Ор, и Алексей за компанию с ними (с главными богами) прошли, не теснясь и не стараясь протиснуться вперед, поближе к богу-отцу. Как-то так получилось, что следом за Зевсом с Герой в пиршественный зал вошел Геракл. Вошел и остановился с удивленной миной на лице. Огромный стол посреди этого зала был практически пуст. Небольшой кувшин, да десяток бокалов непрозрачного камня – вот и все, что «украшало» столешницу массива какой-то древесины медово-желтого цвета. У самого Сизоворонкина, несмотря на холостяцкое состояние души и быта, хранился на кухне чайный сервиз на двенадцать персон. Так там бокалы были куда солидней.

– Значит, – предположил Лешка, – бокалы, да и сам кувшин непростые.

– Точно, – подтвердил внутри гид, очевидно хорошо знакомый с реалиями божественной кухни, – таких бокалов и такого кувшина больше нет... И не будет. С ними разве что Святой Грааль сравниться сможет... когда-нибудь. Но его пока нет.

– И не будет! – громыхнул рядом голосом-громом Зевс.

Он явно мог слышать голос невидимого собеседника Алексея.

– Не будет! – повторил громовержец, – ни Грааля, и ничего Сушего, если ты, Геракл, не справишься с миссией.

– Почему я-то?! – опять возмутился Сизоворонкин, – вон у тебя сколько героев. Бессмертных, между прочим.

Он сам не заметил, что перешел на «ты» с верховным олимпийцем, а тот вроде бы и не возражал, только махнул рукой: «Об этом потом. А пока...». Зевс совершенно по-простонародному потер ладошками и поднял единственный тут кувшин на уровень собственных глаз. Так, не сев в массивное кресло, он и наклонил его. Из кувшина в бокал потекла дугой нескончаемо длинная струя ярко-красной жидкости. Такое количество просто не могло поместиться в бокале, который вместимостью вряд ли превышал обычный граненый стакан. Гид внутри принялся объяснять.

– Прежде, чем налить амброзию в бокал, представь себе, что бы ты хотел выпить... И закусить. Или наоборот – вкусом какого блюда хотел бы насладиться, и каким напитком подчеркнуть этот вкус.

– Ага, – начал представлять Сизоворонкин, выбрав почему-то шашлык по-карски и «Хеннесси» – не тот, который подпольно разливали на заводе родного города, а настоящий, французский.

Лицо внутри Алексея поморщилось от такого выбора – совершенно невообразимого на его вкус – но новый хозяин гераклова тела только отмахнулся: «Это я так, для пробы!».

Зевс, между тем, умудрился не пролить на столешницу ни капли; он передал кувшин Гере, и прильнул к бокалу. По мере того, как жидкость исчезала внутри божественной сущности, его лицо расплывалось в экстазе. Так, наверное, не был счастлив ни один умирающий путник в пустыне, случайно обнаруживший родник с чистой холодной водой. В какой-то момент Зевс начал что-то жевать; даже разгрызать – с хрустом и звуками из работающих челюстей, удивительно похожими на рычание Камня.

От этого увлекательного зрелища Лешку-Геракла оторвала соседка, Артемида. Вместо лука в ее руках был кувшин, который она протягивала Алексею. Лешка принял тяжелый кувшин, в котором жидкость, почему-то бесцветная, плескалась у самого горлышка, и наклонил его над бокалом. Наклонил осторожно, без той бравады, какую демонстрировал Зевс-олимпиец.

– Ну, так опыт у него... который не пропьешь. Но опыт – дело наживное.

Он поднес к губам полный бокал, в котором плескалась янтарная теперь жидкость, и вспомнил – как раз по такому случаю:

– *Ну, как говорила моя бабушка: все, что нас не убивает, можно попробовать еще разок.*

Вспомнил вслух, громко, и это прозвучало как тост; первый на этом удивительном пиру – таком скромном на первый взгляд, совсем не олимпийском. Под одобрительные смешки пирующих он сделал первый глоток. Это действительно было божественно. Коньяк не обжег, не попросился наружу, как это бывало прежде. Он, казалось, проник в каждую клеточку языка, неба, а потом и всего тела. Хотелось пить, обнять весь мир... Да хотя бы соседку – Артемиду, которая явно тоже пребывала в эйфории и не отодвинула ножку, когда Алексей словно невзначай промахнулся по столешнице, и уронил ладонь на коленку богини охоты. Советчик внутри тоже, очевидно, принял на себя удар алкогольной бомбы, потому что икнул и кивнул головой, которой у него не было: «Не теряйся парень, девушка на сегодняшний вечер свободна».

Коленка была на удивление мягкой и податливой для профессии, которую курировала богиня. Алексей уже наклонил было к девушке голову, чтобы одарить ее анекдотом уже персонально, но тут волшебная жидкость напомнила о себе второй частью пожелания. Во рту Сизоворонкина вдруг оказался сочный кусок баранины, запеченной столь искусно, что он словно сам поворачивался, подставляя самые лакомые бока крепким зубам. Эти зубы, в отличие от Лешкиных родных – леченных-перелеченных – могли разгрызть любую кость, но сейчас этого не требовалось. Мясо таяло во рту само, и никак не желало проваливаться внутрь такого же мощного, как и все в этом теле, пищевода, до тех пор, пока не отдаст всю гамму ощущений пищевым рецепторам. А соседка уже протягивала кувшин, опять полный и манящий прозрачной жидкостью.

Алексей машинально кивнул, и на мгновение завис – не знал, чем можно дополнить тот удивительный букет, которым были загружены все сто сорок килограммов его плоти. Наконец он выбрал; после совета с невидимым подсказчиком, который заверил, что любое извращение в этом зале не может принести вреда – ни несварения желудка, ни изжоги, ни утреннего похмелья. Лешка на слове «извращение» легонько сжал ладонью коленку соседки, но пока ограничился пожеланием водки (холодной и кристально прозрачной – от слова завод «Кристалл») а потом... Еще пару секунд раздумий, и понеслось поочередно – сало с прослойками, непременно с самой Украины; соленые груздочки с лучком, политые подсолнечным маслом ручного отжима, рассыпчатая воронежская картошечка, и... На этом второй бокал закончился, а до третьего очередь не дошла – кувшин застрял где-то на противоположной стороне круглого стола.

– Ну что ж, – подмигнул внутреннему собеседнику теперь Алексей, – теперь можно и о других «извращениях».

Артемиде это подмигивание приняла на свой счет, потому что подняла к возвышавшемуся в соседнем кресле горой Алексею-Гераклу лицо, в котором давно уже застыл какой-то вопрос. Сизоворонкин ответил на него, конечно же, анекдотом:

– *В волшебной палочке главное – не длина, а магические свойства.*

– Ну-у-у, – протянула соседка, явно имевшая способности к фольклорным изысканиям, – размер тоже имеет значение.

И цапнула рукой под столом ту самую «палочку». Брови Сизоворонкина от такой стремительной атаки полезли на лоб, но не так высоко, как у самой богини, которая так и не сумела охватить «палочку» ладошкой.

– То-то же, – ухмыльнулся Лешка, наклоняя над бокалом кувшин в третий раз.

Увы – кувшин, который Алексей принял полным, вдруг предъявил совершенно ненужную легкость; в бокал из него не упало ни капли. А справа, от бога-громовержца, донеслось ироничное гроыхание, в котором Сизоворонкин распознал еще и легкую грусть от необходимости перехода к более скучным вещам, чем коньяк с водкой, или, скажем, женская ладошка на том самом месте. Впрочем, ладошки там уже не было. Артемиде не успела справиться с хитрым узлом набедренной повязки, и теперь сидела на своем месте, ну точно как первоклассница – даже руки на столешнице сложила. Впрочем, остальные божественные личности тоже присмирели; изображали школьников, может, не так рьяно, но вполне приемлемо, на взгляд самой строгой учительницы.

– А я что? – ухмыльнулся Алексей в сторону верховного бога, – я школу давно окончил; успел еще два диплома получить – финансовый и юридический. Так что...

Тут Сизоворонкин, конечно, лукавил. Он тоже мог сидеть вот так – с противоестественно выпрямленной спиной и угодливым выражением лица. И сидел; раньше – когда в бухгалтерию заходил главный бухгалтер, или, не дай бог, сам генеральный директор фирмы. Но сейчас он мог позволить себе развалиться в кресле, потому что давно понял – этой кодле вместе с их паханом что-то от него, Сизоворонкина, нужно. Причем такое, что сами они свершить не могут.

Зевс неодобрительно покосился на него, но смолчал, почти сразу же подтвердив подозрения Алексея. Громовержец, кстати, тоже не чурался фольклора.

– Делу время, а потехе час, – хлопнул он по столешнице рукой.

Кувшин с бокалами истаяли, а Зевс встал, кивнув Сизоворонкину. И тот теперь не посмел ослушаться, тоже поднялся на ноги и застыл, готовый внимать словам олимпийца. Потому что вид у того был не просто грозный, а торжественный – словно сейчас, в эту минуту, решалась судьба всего сущего. Как оказалось, Алексей был недалеко от истины.

– Есть деяния, которые не под силу богам, – начал Зевс, и тут же поправился, скривившись, словно от зубной боли, – нет, не так! Богам подвластно все. Но есть подвиги, которые должен свершить именно человек. Чтобы подтвердить тем самым право человечества на существование.

– А если...

– А если их свершат боги, значит, и мир будет принадлежать только им. А зачем нам мир без людей, молитвами которых мы живем? Только для этого?..

Зевс щелкнул пальцем и на столе на пару мгновений материализовались кувшин с бокалами. Они – как понял Сизоворонкин – тоже были продуктом тех самых молитв; не хилая доля чьих-то вызваний к богам сегодня отвалилась и Лешке. Он уже понял, что отвертеться не удастся; что сейчас – если он согласится добровольно, и помчится навстречу подвигам и славе вприпрыжку, с флагом в руке и барабаном на шее – можно будет выторговать какие-нибудь бонусы вроде плазменного гранатомета или...

– Нет, – остановил его так и не разбушевавшуюся фантазию Зевс, – только тело полубога и человеческий дух.

– Не мешало бы помыться, перед тем, как на рать идти, – подумал Алексей, вслух задавая вопрос с подковыркой, – а вы что будете делать все то время?

– Мысленно мы будем с тобой, – ухмыльнулся Зевс.

Помимо его воли, или так было задумано им – на столе опять мелькнул невзрачный сервис с волшебным содержимым. Алексей удрученно вздохнул, обозначая согласие; боги вокруг вздохнули гораздо глубже, и очень обрадовано.

– Может, я не первый тут такой, – еще раз вздохнул Алексей, садясь.

Ладонка соседки тут же вернулась на место; кувшин опять пошел по кругу, но Сизоворонкин, прежде чем очередь дошла до него, успел ответить на подь... ковырку отца-олимпийца. Анекдотом, естественно:

– *Мы с тобой за эти годы стали как одно целое...*

– *Конечно! Знаешь, как я устаю, когда ты работаешь?..*

Боги за столом весело засмеялись, в руке Сизоворонкина оказался кувшин, а Артемида, наконец, справилась с неподатливым узлом...

– *Девочки! Помните: на первом свидании главное – не храпеть!*

Артемида не храпела. Она мирно посапывала и причмокивала губами, которыми этой ночью... Сизоворонкин горделиво улыбнулся и потянулся громадным телом, постаравшись сделать это так, чтобы не разбудить прекрасную богиню.

– А кстати, где ее лук? Где стрелы, с которыми она, если верить подсказчику внутри, никогда не расстается? И где, наконец, одежда?

Он приподнялся на локте, и обвел взглядом комнату, в которой, как оказалось, не было ничего, кроме ложа и двух обнаженных тел. Незримый гид, который исчез как раз к окончанию общей оргии, с которой Артемида утатила его чуть ли не силком, тоже молчал.

– Может, под кроватью?

Сизоворонкин сам не мог понять, зачем ему сдался этот злосчастный лук. Может, просто хотел подержать его в руках, оценить силу тугих жил, которая, как утверждал пропавший подсказчик, не была подвластна никому, кроме хозяйки. Он скатился с ложа, в котором утопал вместе с Артемидой, словно в облаке, и приник взглядом к узкому пространству, что отделяло огромную кровать от мраморного пола. Кровать даже на вид была неподъемной; массив мореного дуба, из которого был изготовлен каркас, был толщиной не меньше пятнадцати сантиметров. Размеры самого ложа тоже поражали – метров двадцать квадратных, не меньше.

Никакого лука под ним не было. Алексей-Геракл чуть не стукнулся макушкой о дуб, когда сверху прозвучал чуть насмешливый возглас:

– Мой герой! Ты решил отнести меня для утреннего омовения вместе с ложем?

Сизоворонкин содрогнулся, все-таки задев затылком жесткий брус; а вот Геракл, в чьем теле он сейчас обитал, без всякой подсказки выпрямился во весь рост, напряг все мускулы, которых у него, казалось, было намного больше, чем у обычного человека, и горделиво согласился:

– Легко!

Конечно, был соблазн поднять ложе за край, стоя к нему лицом. Так это самое лицо оказалось бы как раз напротив шаловливо раскинутых в стороны ножек богини.

– *Ах, женские ножки! Одна другой нежнее... Но истина, как всегда, где-то между ними...*

– Нет! – поняли и Алексей, и Геракл, – стоит мне попытаться прилечь к этой истине, и шоу под названием: «Полубог показывает свою силу», – не состоится.

Тогда Сизоворонкину пришлось бы доказывать что-то другое. А ему сейчас было не до этого «другого». Потому что в комнате не было не только лука, и одежды двух страстных полуночников, но и самого обычного ночного горшка.

Поэтому он принял позу низкого старта, вцепившись за спиной ладонями в край деревянного бруса. Конечно, в дверь этот необычный экипаж мощностью в одну полубожью силу не вписался бы ни при каких условиях. Но Лешке нужно было лишь продемонстрировать свою силу; поднять кровать, весу в которой было не меньше тонны, и протащить ее вместе с божественной наездницей несколько шагов. Показав при этом, естественно, могучие мышцы спины. Мускулы действительно напряглись; Алексей гортанно выдохнул из себя воздух, и дернул неимоверную тяжесть вверх, закрыв от натуги глаза.

Лешка утвердился с тяжеленным грузом на задрожавших ногах; вес лежа он оценил явно неверно. Тонна для Геракла была вполне по силам. А сейчас ноша тянула книзу с такой силой, что казалось – ноги сейчас промнут мрамор пола. А под левой подошвой еще и камешек какой-то оказался. Но он стоял, подобно Атланту, которого когда-то заменил, и ждал, когда позади раздастся восхищенный девичий крик. Дождался – кто-то действительно хрюкнул; самым натуральным образом. Словно на ложе лежала не богиня, а свинья; причем громадных размеров. Пальцы Геракла стали разжиматься и поползли – почему-то не по дереву и облачному матрасу, а по холодному камню, царапающему кожу до крови.

Сизоворонкин вспомнил:

– Коротко о себе? Плохо переношу жару и тяжелую мебель...

Вокруг действительно было жарко. Или это от неподъемного груза по Лешкиному телу текли целые ручьи пота? Он, наконец, выпрямил пальцы, отпуская тяжелый груз в свободное падение и одновременно открывая глаза. Мир содрогнулся, когда рядом упали тонны грубо отесанной глыбы голубого цвета; потом еще раз, когда свинья позади заверещала так, словно ее резали сегодня уже в десятый раз подряд. Сизоворонкин подскочил на месте не меньше, чем на полметра, одновременно разворачиваясь к каменюке, в которое превратилось ложе. Но это было не самой удивительной трансформацией. Богиня на нем, а вернее рядом с кроватью, превратилась в свинью!

– Самую натуральную, – чуть не вырвалось у Алексея.

Но нет – свинья была натуральной только выше шеи; оттуда и исторгался водопад визга, в котором Лешка с удивлением разобрал членораздельные звуки. Ниже – начиная с плеч и до ног, одну из которых придавило глыбой, все было человеческим, хотя и заросшим вполне себе пороссячьей щетиной. С бокала коньяка и такого же пузыря водки подобный глюк родиться в голове Сизоворонкина не мог. Разве что в бокал что-то подсыпали... Он спросил у кошмарного создания:

– Знаешь, как готовят коктейль «Три поросенка»?

Человекосвин, как оказалось, вполне понимал по-русски, потому что решительно замотал рылом, подняв ушами нехилый ветерок.

– Покупаешь ящик водки, и приглашаешь двух друзей...

Чудовище раздвинуло пяточок в несмелой улыбке, показав два внушительных клыка.

– Ни фиги себе, – продолжил Лешка уже без иносказаний, – и вот с этой тварью я сегодня ночевал?

Первым его побуждением было шагнуть к монстру, который никак не желал закрыть свое рыло, и свернуть ему шею – так, чтобы разделить надвое это противоестественное создание.

– А почему противоестественное? – остановил он свой кровожадный порыв, но не движение к человекосвинье, – тут еще страшнее квазимоды шляются!

И действительно – окрестности заполняли пары еще более невероятных тварей, несущих такие же голубые глыбы. Вот одна из таких едва не наткнулась на спину верещавшего напарника Сизоворонкина; остановилась и издала синхронно какие-то звуки, которые Алексей перевел: «В сторону, придурки!».

– Сам придурок, – буркнул Сизоворонкин-Геракл, наклоняясь над своей глыбой, чтобы освободить свиноголового напарника, которого уже начинал помаленьку жалеть, – не видишь, у нас авария. Не трамвай, объедешь!

– Ты как назвал меня, несчастный?! – передний из пары, уткнувшейся в спину Хрюну (так назвал верещавшего Алексей), громко клацнул клыками длиной не меньше двадцати сантиметров каждый и тоже отпустил камень.

К Хрюну присоединилась еще одна сирена. Вернее один – судя по отростку, который жалко болтался между ног завывавшего монстра. Кстати, такой же, только чуть потолще, болтался и у напарника, и у клыкастого чудовища, и у всех остальных совершенно фантастических существ, что подходили к месту предполагаемого конфликта, привлеченные шумом.

– И не стесняются же ходить в таком виде, – восхитился Алексей невозмутимостью очередного монстра, который остановился прямо перед ним.

Этот, в отличие от Хрюна, физиономию имел почти человеческую; только заросшую так, что непонятно было, где у него кончаются брови и начинаются усы с бакенбардами. А вот плечи, непропорционально узкие, и все, что ниже них, могло принадлежать прямоходящему крокодилу.

– Привет, Гена, – тут же обозвал его Сизоворонкин, – а где твой Чебурашка?

Он имел в виду напарника ящера; того, кто нес с «Геной» очередную плиту.

– *Гена, а давай я понесу чемодан, а ты понесешь меня!* — усмехнулся Лешка, обозревая «чемоданы», которые побросали монстрообразные носильщики.

«Чебурашка» в наличии был. Тоже мохнатый и ушастый, но размерами едва ли не крупнее самого Лешки-Геракла. Он напоминал огромный меховой ком, в котором с трудом моно было разглядеть поблескивающие глазки и клыки, не уступающие размерами и остротой тем, что теснились во рту первой твари, посмевавшейся поднять голос на Сизоворонкина.

– А где, кстати, он? – повернул голову Лешка, сжимая кулаки.

Монстр был недалеко, но сейчас агрессии в нем явно поубавилось. Да и все остальные присмирели, вроде даже втянули головы – такие разные – в плечи, которые тоже не повторялись ни разу. А еще – чудовища поспешно перестраивались, образуя проход для двухголового великана, который шел к нему, не обращая на остальных никакого внимания. Теперь только Хрюн, да второй монстр с придавленной плитой ногой чуть слышно подвывали.

Геракл, он же Сизоворонкин, оценил то, с какой величественной медлительностью вышагивает этот урод, в котором росту было не меньше трех метров, а плечи, на которых свободно располагались две головы, были шире, чем у него, полубога, в два раза. Алексей решил, что успеет сделать хоть одно доброе дело, пока предполагаемый шеф местной братвы доберется до него. Он рывком дернул гигантскую плиту вверх, одновременно отбрасывая могучим плечом Хрюна в сторону. Тот полетел кувырком, трясая поврежденной конечностью. А двухголовый сделал еще два шага, и навис над распрямившимся Алексеем, дохнув на него сразу из двух ртов. Дыхание, к удивлению Сизоворонкина, было совсем не смрадным. Больше того – кажется, этот монстр по утрам чистил зубы, причем левая голова – пастой со вкусом ментола, а правая какой-то цветочной, но тоже очень приятной. А еще двухголовый отличался шикарнейшей прической, вернее прическами. Причем, если одна шевелюра – у левой головы, если смотреть ей в глаза, спадала на плечи, и дальше, на спину – была ослепительно белоснежной, то вторая ипостась этого существа была не менее шикарным брюнетом.

– Ну, здравствуй, – кивнул ему Алексей, – ты, что ли, тут будешь прорабом?

Сизоворонкин имел в виду, что глыбы, которые несли монстры, и сам он, явно предназначались для какой-то стройки, остов которой смутно виднелся совсем недалеко – метрах в сорока от него.

– Прораб?! – удивились обе головы, повернув шеи так, что уставились друг другу в глаза, – почему Прораб? Никакого Прораба мы не знаем.

Он говорили на удивление синхронно, создавая эффект стереозвучания, которое обволакивало и Сизоворонкина, и всех вокруг. Монстры при первых звуках этого дьявольски завораживающего голоса благоговейно подняли головы к небесам. Двухголовый чуть подождал, а потом поморщился. Он явно ожидал, что Лешка тоже последует их примеру.

– А вот хрен вам на палочке, – рассердился Сизоворонкин, – ты не красавица писанная, чтобы я закатывал глазки и пускал слюни.

Монстр, который, исключая гигантские размеры и лишнюю голову, был здесь ближе всех к человеческому роду, повторил еще раз:

– Мы не Прорабы, – а потом представился, теперь уже на два голоса, – «Я – Вельзе», «Я – Вул».

Вместе очень гармонично получилось Вельзевул, и Лешка почему-то довольно кивнул:

– Очень приятно. А я Сизоворонкин, Алексей Михайлович, он же Геракл, полубог. А ты, я так понимаю, дьявол этого мира. Хочешь анекдот про себя?

– Анекдот?! – сразу четыре брови поползли вверх.

– Да, анекдот. Слушай.

Встречаются две подруги – блондинка и брюнетка:

– Что-то муж у тебя в последнее время подвижный стал; веселый, бодрый... Волосы погуще стали и пышнее?

– Да... Собака сдохла... А сколько корма осталось – не выбрасывать же!

Вельзевул раздвинул губы в подобии улыбки, а потом покачал головой:

– Нет, я не собака, тем более не дьявол. И ты не полубог. И здесь никакой не мир.

– Как не мир? А это что? – в удивлении повел рукой вокруг Алексей, – и кто эти парни?

– Никто, – был ответ, – мира, как ты это понимаешь, пока нет. Есть Большой и Единственный Выбор, который должно сделать Бытие, которого тоже пока нет.

– Ага, – помотал головой Сизоворонкин, не поняв ничего из объяснений; точнее приведя их к смутному понятию из учебников школы и двух вузов, которые успел закончить в прошлой жизни, – это так ты... вы называете Большой взрыв? Точку, от которой берет отсчет Вселенная?

– Выбор, – внушительно прозвучало опять в стереозвуке, – Большой Выбор!

– И кто кого будет выбирать? – Лешка-Геракл не торопясь сделал полный оборот на месте, словно показывая, что выбирать здесь – в любом качестве – никого не собирается.

Ему стало смешно, а потом почти страшно, когда он представил рядом этого «Гену» с головой Афродиты на плечах, или двухголового монстра, широченные плечи которого венчали бы головы Афины и Артемиды – той, чьи губы, и не только они, дарили ему блаженство всю прошедшую ночь. Губы левой головы – Вула – действительно шевельнулись. Лешка даже успел заметить, как тот хищно провел языком по верхней губе и поспешно отвел глаза.

Он остановился взглядом прямо напротив сооружения, к которому, как он понял, и волокли кошмарные твари свои неподъемные булыжники. Что-то смутно-знакомое было в очертании этих хаотично нагроможденных плит голубоватого цвета.

– Или это такое освещение здесь? – поднял он голову кверху.

Ни солнца, ни луны, ни звезд на небосводе не было. И небосводом, в общем-то, ту муть, которая слабо светилась сама собой, назвать было нельзя. Почему-то пришла уверенность – там, наверху, нет предела; сколько не лети на самом навороченном звездолете.

Рядом противно захихикал на два голоса Вельзевул. Он словно говорил: «Убедился, ничтожный?». Вслух же он сказал:

– Не будем терять время, презренный. Времени, правда, тоже пока нет. Но совсем скоро Бытие вздохнет в очередной раз, и снова уснет, если мы не поможем ему пробудиться. И тогда Оно, а не мы, сделает свой выбор.

– Это каким таким волшебным образом? – иронично заметил Сизоворонкин, – скажем: «Ахалай-махалай?».

– Ничего мы говорить не будем, – равнодушно сообщили обе головы Вельзевула, – мы призовем ту, которой вручим семя нового мира.

– Как призовем? – еще саркастичней спросил Лешка, – построим ей голубой домик? Или поднимем все эти камни, и грохнем их по команде наземь, чтобы содрогнулась твердь земная, и пробудилась спящая царица, или как ее там называют?

– Тверди тут тоже нет, – напомнил двухголовый, – а призывать будем Призывом, собравшись вокруг алтаря.

Сизоворонкин на всякий случай потопал голым подошвой по земле, убеждаясь, что какая-то твердь под ногами все-таки есть, и вспомнил очередной анекдот:

– *Бабушка в маршрутке:*

– *Сынок, возле базара остановишь?*

– *Базара нет, бабуля!*

– *Как нет?! Вчера же был!*

Потом он опять присмотрелся к сооружению, на которое указывал двухголовая предтеча дьявола.

– Стоунхендж! – ахнул он, – это же Стоунхендж. Значит, мы на Британских островах?!

– Островов тоже нет, – напомнил ему Вельзевул.

– Так вот что это такое! – воскликнул Алексей, не обращая никакого внимания на подсказку, – вот над какой загадкой бытуют головы уже сотни лет ученые мужи?!

– Мужей тоже нет, – с непреклонностью, достойной лучшего применения, пробурчали головы.

– Как нет?! А это? – обвел рукой Сизоворонкин монстров, включая Вельзевула, и гулко бухнул кулаком по собственной груди, – А я?! Кстати, почему тут одни мужики? Где бабы, парень? Как мы будем выполнять один из главных заветов бытия, которое должно скоро прийти, если ты не сочиняешь?

– Какой завет? – головы Вельзевула опять уставились друг на друга, теперь уже в недоумении.

– Главный! – усмехнулся Алексей-Геракл, очень вовремя вспомнивший прекрасное лицо Артемиды и не менее волнующие обводы ее тела, – «Плодитесь и размножайтесь!».

– А-а-а, – протянул двухголовый, – так я же об этом и говорю. Призовем сущность; женское начало. Оно выберет одного из нас и сольется с ним, дав начало миру, звездам, тверди и всему остальному.

– И от того, кого выберет эта сущность, будет зависеть, какой мир получится в конце концов? – догадался Алексей.

Он передернул плечами, словно замерз в этом пространстве, не обогреваемом никем и ничем.

Двухголовый монстр согласно кивнул, а потом махнул на Стоунхендж:

– Так что, человеке, тащи вместе со своей второй сущностью камень. Алтарь почти готов. Ваша плита должна лечь на последнюю, шестую трилиту. На ней ты и будешь встречать женскую половину Предтечи.

Лешка сначала поухмылялся, снова представив головы богинь Олимпа в самых различных сочетаниях на плечах монстров, грудившихся вокруг них с Вельзевулом, а потом вдруг ужаснулся:

– Какая вторая сущность?! Эта, что ли?

Он выцепил взглядом из толпы чудовищ Хрюна, и тот ему с готовностью улыбнулся. Даже потряс головой, заставив большие волосатые уши взметнуться, подобно птичьим крыльям. Алексей мысленно простонал, вспомнив, кстати, вычитанное где-то утверждение, что внутренние органы человека и свиньи близки, как никакие другие. Вельзевул рядом злорадно

раздвинул губы, показав мелкие, но очень острые зубки, которых было явно больше тридцати двух.

– Маршрутка. Внезапно откуда-то раздаётся пороссячье хрюканье. Хрю-хрю.. Народ начинает оглядываться. Звук повторяется. Потом еще раз. Одна девушка начинает копать в сумочке. Наконец она находит мобильник и отвечает:

– Да, Зайка!..

– Фиг вам, – заявил Сизоворонкин Вельзевулу, стирая своей усмешкой дьявольскую ухмылку того, – тащите сами. А я отсюда ни на шаг.

– Как это?! – даже растерялся двухголовый, – а как же предназначение, как же семя будущего, которого нет, и которое никогда не появится, если нам не удастся призвать половину Предтечи?!

– Призывайте, – разрешил широким жестом Алексей-Геракл, – а я отсюда посмотрю.

Он действительно уселся на голубую глыбу, закинул ногу на ногу – так, что мужская «сущность» на всякий случай все-таки немного выглядывала, и похлопал по камню рядом:

– Садись, Хрюн, анекдот тебе расскажу.

В груди Лешки ворохнулось не очень светлое чувство при виде того, как свиноголовое существо с готовностью подскочило и уместило свой розовый зад, покрытый редкой щетиной, на камне рядом с ним. «Значит, – вздохнул он, – действительно вторая сущность человека. Точнее, полубога». Но анекдот он все-таки рассказал:

– Попали на необитаемый остров три мужика – двадцатилетний, сорокалетний и шестидесятилетний. А на соседний – куча баб. Младший, как увидел, что девки там купаются, без всяких бикини, сразу возбуждился:

– Мужики, айда туда! Девки ждут!

– Да ну, – махнул рукой сорокалетний мужик, – подождем немного – сами приплывут. Правильно я говорю?

Он повернулся к пожилому, который уже уселся на песке, умываясь поудобнее. Тот только махнул рукой:

– А мне и отсюда хорошо видно!

– Понял, что я сказал? – ухмыльнулся Лешка прямо в лицо наклонившемуся к нему Вельзевулу, – мне и отсюда неплохо видно. Так что иди и не мешай. И еще – мой участок не занимай. Не закрывай вид из окна.

Двухголовый недодьявол громко икнул, но насчет того, что окон тут тоже пока нет, говорить не стал. Он круто развернулся, и пошел к недостроенному мегалиту, увлекая за собой разнорабочих. В смысле, что твари здесь были все разные; ни одной пары одинаковых не было. Единственное, что их объединяло – принадлежность к мужскому полу. Хрюн рядом дернулся было следом за «прорабом», но звонко шлепнулся розовым задом обратно на камень, когда Алексей-Геракл несильно прихлопнул его по плечу.

– Рассказывай, – велел он человеко-свину.

– О чем? – хрюкнул тот.

– Обо всем! Обо всем, что знаешь.

Знал Хрюн немало. По крайней мере, о том, что скоро должно было произойти в точке, которую окружали несколько концентрически расходящихся каменных колец, он знал. Потому что церемонию тут проводили не в первый раз.

– Неудачно, – догадался Алексей, – никто к вам так и не явился.

Хрюн обреченно кивнул и перешел к подробностям.

– Вон там, – ткнул он вполне человеческим пальцем, заросшим щетиной совсем редко, – в самом центре стоит алтарный камень, на который и должна опуститься вторая половина Сущего.

– Прямо как вертолет, – ухмыльнулся Сизоворонкин, – хорошо, что с одним «с».

– Сижу перед камином, попиваю ароматный эрлгрей... и думаю о... сущем... ссущем мне на ногу коте!!! Блин, Барсик... зараза!!!

– Продолжай, – кивнул Лешка, на всякий случай отодвинув от Хрюна ногу.

– Вокруг алтаря, в семи с половиной метрах от него, должны стоять шесть трилит, на которых будут ждать те, кто готов соединиться с Половиной в одно Целое. Пять уже стоит, а шестая...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.